

Гилберт Кит Честертон — английский писатель, журналист, яркий представитель классического детектива. Многие из его произведений до сих пор остаются неизвестны читателям. В этом сборнике собраны редкие, по-настоящему эксклюзивные рассказы и повести. Новые приключения отца Брауна, утонченного аристократа Хорна Фишера, журналиста Марча, поэта и художника Габриэла Гейла. Самые знаменитые герои Честертон и их неизвестные расследования!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5809-9

9 786171 258099

Гилберт Кит Честертон
МОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Гилберт Кит Честертон

**МОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Гилберт Кит Честертон

МОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Сборник

УДК 821.111
Ч-51

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского
*М. Акимовой, М. Великановой, М. Маковецкой,
В. Малаховой, Л. Мининой, О. Образцовой, Г. Панченко,
О. Рэйн, С. Удалина*

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-5809-9

- © Григорий Панченко, составление, 2018
- © DepositPhotos.com / ratpack2, Victor_DVA, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

1. БЕСТИАРИЙ ЧЕСТЕРТОНА

Эта детективная повесть создана в очень необычной манере, как бы оглядывающейся на средневековые бестиарии — собрания сведений о чудесах и чудовищах. При этом такие сборники были окрашены мироощущением тогдашних авторов, равно как и читателей, людей Средневековья. А значит, обязательно содержали религиозный подтекст: книжная культура той поры была по сути своей церковной, даже если вроде бы повествовала о приключениях и диковинках далеких краев.

Читателям предстоит убедиться, что это не случайность: Честертон не раз тем или иным образом использовал и подобный стиль, и сюжеты такого рода.

«Древа гордыни» — одно из его любимых произведений, в каком-то смысле квинтэссенция творчества. Тем не менее для нас оно долгое время продолжало оставаться почти неизвестным. Сейчас объясним почему.

Совершенно ясно, по какой причине этот «новый бестиарий» не мог быть опубликован даже в те десятилетия, в которые истории отца Брауна (тоже, между прочим, носителя «средневекового мировоззрения»!) пусть выборочно, но находили дорогу к читателям. Гораздо труднее объяснить другое: почему один-единственный перевод, все же увидевший свет уже в постсоветское время, оказался столь тщательно втиснут в «культпросветовские» рамки, до такой степени упрощен и сокращен — примерно на треть! — что является не переводом, а скорее дайджестом.

Мы, во всяком случае, объяснений этому не нашли. Впрочем, вряд ли это теперь так уж важно. Так или иначе, на страницах этого сборника читателям впервые представлен именно перевод важнейшей повести Честертона: полный, а главное — не стремящийся обходить острые углы.

ДРЕВА ГОРДЫНИ

I. ЛЕГЕНДА О ПАВЛИНЫХ ДЕРЕВЬЯХ

Сущность сквайра Вейна, несмотря на зрелые годы, определялась прежде всего его английским образованием и ирландским происхождением. Упомянутое образование он получил в одной из известнейших закрытых школ Англии, благодаря чему его светлый ум окончательно и бесповоротно законсервировался в том состоянии, в каком пребывал в школьные годы. А ирландская кровь исподволь влияла на него, подтачивая образ степенного мужчины в годах и время от времени понуждая его вести себя, словно шкодливого мальчишка. Вейн был нетерпением во плоти, и это качество порой против его собственной воли играло с ним злые шутки. Например, оно сделало его блистательным неудачником на государственном и дипломатическом поприще. Справедливо замечено, что компромисс — основной инструмент британской политики, особенно когда речь идет о непредвзятости в отношении религий, распространенных в Индии; однако попытка Вейна частично пойти навстречу мусульманам, скинув у ворот мечети один ботинок, отчего-то была воспринята не как истинная непредвзятость, а как нарочитое безразличие. Также правдиво утверждение, что английский аристократ вряд ли способен вникнуть в суть перебранки между русским евреем и православными, идущими крестным ходом с мощами; однако когда Вейн предложил православным понести еще и еврея — он ведь и сам уже почти древние мощи, — его почему-то неправильно поняли обе стороны конфликта. Одним словом, Вейн весьма гордился тем, что в нем нет ни капли сумасбродства, и при этом постоянно совершал сумасбродные поступки. Он как будто бы постоянно стоял на голове лишь для того,

чтобы доказать, что голова у него достаточно ясная и мыслит здраво.

Сейчас он только что плотно позавтракал в компании своей дочери, сидя за столом, установленным под деревом в его саду на корнуолльском побережье. У него было на удивление прекрасное кровообращение, и он настаивал на как можно более частых трапезах на свежем воздухе, хотя весна едва успела коснуться ветвей деревьев и слегка прогреть морскую воду здесь, возле южной оконечности Англии. Его дочь Барбара, миловидная девушка с пышными рыжими волосами и лицом столь же застывшим, как у статуй в саду, все еще сидела неподвижно, будто одна из этих статуй, когда ее отец поднялся с места. Был он хорошо сложен, одет легко, у него были седые волосы и лихо закрученные усы, выглядевшие довольно свирепо на благодушном лице. Держа в руке огромную панаму, он пересек террасы сада, спустился по каменным ступеням, по краям которых стояли старинные изукрашенные урны, затем прошел по тропинке, обрамленной невысокими деревьями, и наконец вышел на дорогу, зигзагами спускающуюся по каменистому утесу к самому берегу, где Вейн должен был встретить прибывшего морем гостя. Яхта уже зашла в лагуну, и он видел лодку, которую вытаскивали на каменный волнорез.

И вот во время этой недолгой вынужденной прогулки от зеленого дерна до золотого песка в его ясной голове что-то переменялось, и он перешел в не такое уж непривычное состояние, о котором обычно говорят «очертя голову». Дело в том, что простонародье Корнуолла — а именно из числа простонародья были и арендаторы сквайра, и его домашняя обслуга — отнюдь не относилось к людям, лишенным сумасбродства. Увы, его в них более чем хватало; казалось, они окружили Вейна плотным кольцом из сумасбродства, в котором то и дело мелькали привидения, ведьмы и суеверия откуда-то из времен Мерлина. Но у этого магического кольца был

и центр, некая точка, к которой в конечном итоге приходили все разговоры местного мужичья. Для сквайра Вейна эта точка скорее была острым шипом, уколы которого его раздражали, и даже сейчас он всю дорогу натыкался на этот шип. Перед тем как перейти с подстриженной лужайки на каменные ступени, он остановился побеседовать с садовником о нескольких саженцах, купленных за границей, которые он высадил у себя в саду прямо в горшках, и садовник с мрачным удовлетворением, сквозившим в каждой черте его обветренного загорелого лица, воспользовался шансом поведать, сколь низкого он мнения о всяких там заграничных приобретениях.

— Избавились бы вы лучше от того, что развели тут, сэр, — сказал он, тщательно копая землю. — С этими кустами никакие другие расти не станут.

— Кустами! — рассмеялся сквайр. — Вы что, павлиньи деревья кустами называете? Это же прекрасные высокие деревья... Да вы должны ими гордиться!

— Худая трава быстро растет, — заметил садовник. — Если кое-кто ее посадит, она и с дом вырасти может. Как плевелы в Библии, сэр.

— Да будь неладна эта ваша... — начал сквайр, но все же заменил более подходящее слово «Библия» на общее «мнительность». Сам он был ярким материалистом, но в церковь ходил, чтобы подать своим арендаторам пример. Пример чего именно, он сказать затруднялся.

Пройдя еще немного по дорожке, выющейся между деревьями, он повстречал дровосека, некоего Мартина, который высказался еще резче, считая себя вправе жаловаться. Его дочь слегла с тяжелой лихорадкой — обычное дело на побережье, и сквайр, человек добросердечный, готов был простить и его дурное настроение, и резкий тон. Однако его собственное настроение совершенно испортилось, когда сей пейзажник принялся утверждать, что его беда тоже

связана с несчастными заморскими деревьями, на которых все помешались.

— Если бы ей было не так плохо, я бы убрал ее отсюда, — заявил дровосек, — раз уж нельзя убрать их. Эх, с каким удовольствием я бы взял колун и на части бы их порубал!

— Можно подумать, мы говорим о драконах, — сказал Вейн.

— Так они похожи, — отозвался Мартин. — Вы только взгляните на них!

Дровосек был человеком более грубым и взбалмошным, чем садовник. Лицо у него тоже было загорелое, похожее на античный пергамент, обрамленное диковинной композицией из бороды и бакенбард цвета воронова крыла. Лет пятьдесят назад это было ультрамодно, но и пять тысяч лет назад, и раньше было не зазорно так выглядеть. Финикийцы, торгуя в неведомых землях на заре существования человечества, должно быть, расчесывали, или завивали, или заплетали свои иссиня-черные волосы подобным причудливым образом. Ведь дровосек принадлежал к народу, живущему на краю Корнуолла, который, в свою очередь, находится на краю Англии; это уникальная и малочисленная раса с многочисленными тесными связями, словно у какого-нибудь кельтского племени, и история ее печальна. Клан Мартина был древнее семьи самого Вейна, хотя последняя считалась среди мелкой аристократии весьма почтенной. Так сложилось, что во многих местах Англии предки дворян появились позднее всех прочих. Мартин относился к одной из тех народностей, которые постепенно вымирают, а может, и вовсе вымерли в наше время.

Деревья, которые были ему столь неприятны, росли в нескольких сотнях ярдов; он махнул топором в их сторону, и трудно было не признать, что в чем-то они и впрямь походили на драконов. Начать с того, что сама береговая линия словно бы тянулась к заходящему солнцу, в закатных

сумерках производя впечатление совершенно фантастическое. На фоне моря, местами изумрудного, местами цвета индиго, мрачными силуэтами выделялись не то рога, не то загнутые серпом хвосты, как будто кто-то расставил вдоль берега вытесанные из камня или отлитые из гипса статуи диковинных гребенчатых гадов. Почва была изрыта и изрезана пещерами, кавернами и глубокими трещинами, похожими на следы, оставленные гигантскими червями. А над всей этой драконической архитектурой серой дымкой плыл полупрозрачный лес, как это обычно и бывает, изувеченный и искаженный до неузнаваемости черным колдовством моря. Направо вдоль берега тянулся строй деревьев, каждое из которых было словно бы торопливым наброском, сделанным короткими неаккуратными штрихами. Слева же согбенные, искривленные деревья громоздились на крутой откос, как будто густой лес медленно взбирался на берег. И именно здесь находилось нечто, что немедля обращало на себя внимание и приковывало все взгляды.

Посреди этого клочка леса, невысокого и более-менее однородного, росли три дерева; они возносились к небу, как церковный шпиль возносится над деревенскими крышами, и выделялись среди остальных, как молния, ударяющая из туч. Три столпа росли так близко друг к другу, что легко можно было представить, будто это одно раздвоенное или скорее растроенное дерево, нижняя часть которого не видна за густым лесом. И даже здесь, на самой южной оконечности Британии, расположенной ближе всего к Испании, Африке и звездам южного полушария, выглядели эти громадины вызывающе чуждыми, пришедшими с юга намного более дальнего. Их кожистая листва распускалась раньше тусклой желто-зеленой листвы остальных деревьев, и цвет у нее был менее естественный, с синеватым отливом, как оперение зимородка. Но кому-то эти листья могли показаться чешуйками на теле трехголового дракона, который

возвышается над стадом, испуганно сбившимся в кучу и тщательно пытающимся бежать.

— Мне чрезвычайно жаль, что ваша дочь так плоха, — сухо произнес Вейн, — но в самом деле...

Не договорив, он продолжил спускаться по крутой дороге.

Лодка уже была привязана к волнорезу, и лодочник, чуть более молодая копия дровосека, — собственно говоря, он приходился сему мятежному господину племянником — мрачно и подчеркнуто формально поприветствовал своего землевладельца. Сквайр мимоходом отметил это и выбросил из головы, поспешив пожать руку тому, кто только что сошел на берег. Он был долговяз, слишком худ для такого молодого человека, держался свободно, а на его красивом, чуть вытянутом лице все чувства отражались очень живо. Его черты некоторым образом контрастировали с волосами, золотистые пряди которых на запавших висках выбивались из-под белой соломенной шляпы. Одет он был франтовато, хотя только что предпринял длительное морское путешествие, а в руке держал предмет, который за время своих долгих странствий по Европе и еще более долгих остановок в европейских городах совсем отвык называть саквояжем¹.

Мистер Сайприен Пейнтер² был американцем, поселившимся в Италии. О нем можно было бы сказать еще многое, ведь это был весьма проницательный и образованный джентльмен; однако эти два факта, пожалуй, включают в себя все прочие характеристики. Его память была набита диковинками Старого Света, как музей, однако чудо Нового

¹ Саквояж (*gripsack*) — слово, во времена Честертона однозначно воспринимаемое как американизм. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Имя этого персонажа лишь на одну букву отличается от словосочетания «кипрский художник», которое, видимо, намекает на легенду о Пигмалионе, влюбившемся в сделанную им самим статую и угговорившем Афродиту оживить ее.

Света освещало их, словно солнечные лучи, льющиеся через распахнутое окно, и это давало ему возможность видеть эти диковинки по-новому, не так, как другие, и делало его наследником таланта таких уникальных критиков как Раскин¹ или Патер², так что прославился он преимущественно тем, что открывал миру малоизвестных поэтов. Будучи здравомыслящим исследователем, он не полагал всех, кого ему удавалось открыть, великими пророками. Не все рифмоплеты, найденные им, были способны стать вровень с Бардом Эйвона³. Он даже навлек на себя чудовищное обвинение в грехе классицизма, когда разошелся со своими молодыми приятелями, поэтами-пунктуистами, практиковавшими написание стихотворений, состоящих сплошь из запятых и двоеточий. В его сердце большой отклик находило новомодное пламя, разгоревшееся на углях кельтской мифологии, и на самом-то деле в эти места его привел некий корнуолльский⁴ поэт, идейный собрат новых ирландских поэтов. Впрочем, Пейнтер был слишком хорошо воспитан, а значит, ни за что не дал бы понять здешнему хозяину, что не только его гостеприимство стало причиной визита. Когда-то давно Вейн, с которым они познакомились на Кипре на закате его крайне недипломатичной дипломатической карьеры, пригласил его к себе. Их отношения возобновились лишь после того, как Пейнтер прочел книгу

¹ Джон Раскин (1819—1900) — английский писатель, художник, поэт, искусствовед и критик. Его работы, опиравшиеся на изучение искусства древности, способствовали развитию современных направлений искусства.

² Уолтер Горацио Патер (1839—1894) — английский искусствовед, также изучавший и переосмысливавший искусство древности и в результате ставший идеологом нового течения — эстетизма, к которому принадлежали, в частности, О. Уайльд и О. Бердслей.

³ Бард Эйвона — Уильям Шекспир (по названию его родного города Стратфорда-на-Эйвоне).

⁴ Имеется в виду не только то, что поэт был родом из Корнуолла, но и что писал он на корнуолльском диалекте.

начинающего литератора Джона Трегерна под названием «Мерлин и другие стихи», однако Вейна столь долгий перерыв в общении не смутил. И, к сожалению, он даже не начал постигать более дипломатичную дипломатию, при помощи которой его убедили пригласить местного поэта на обед в тот же день, когда должен был приехать американский критик.

Теперь же мистер Пейнтер стоял, держа в руке саквояж, и восхищенно рассматривал выщербленные скалы, причудливый серый лес и три фантастических дерева, которыми был увенчан этот пейзаж.

— Я сейчас чувствую себя человеком, потерпевшим кораблекрушение в краю фэй, — признался он.

— Надеюсь, ваш корабль не слишком пострадал в этом происшествии, — с улыбкой ответил гостеприимный хозяин здешних мест. — Полагаю, Джейк поможет вам с вещами.

Мистер Пейнтер покосился на лодочника и тоже улыбнулся.

— Боюсь, нашего друга не так впечатляет открывающийся отсюда вид, как меня.

— Наверное, из-за деревьев, — устало отозвался сквайр.

Вообще-то лодочник зарабатывал на жизнь ловлей рыбы, но так как его дом, сложенный из дерева, просмоленного до черноты, стоял у самой воды, в нескольких ярдах от причала, в подобных случаях он подряжался перевозчиком. Это был здоровенный малый с густыми черными бровями; обычно он помалкивал, но сегодня его явно подмывало высказаться.

— Да все понимают, что это ненормально, сэр! — заявил он. — Море бьет и корежит обычные деревья, а эти штуки растут себе как ни в чем не бывало, будто и не с суши вовсе взялись. Такие огромные мерзкие водоросли, тьфу на них. Или проклятый морской змей выполз на берег и пожирает все.

— Есть тут одна глупая легенда, — мрачно сказал сквайр Вейн. — Но идемте же в сад, я познакомлю вас с дочерью.

Однако, когда они добрались до столика, стоящего под деревом, оказалось, что девушка, раньше выглядевшая неподвижной, все же ушла, и им пришлось довольно долго ее искать. Она медленно поднялась со своего места и неспешно побрела вдоль верхней части террасного сада, глядя, как он спускается вниз, к лесочку, карабкающемуся на взморье.

Ее вялость не была следствием слабости и немощности, скорее напротив, проявлением живости; так ребенок, едва открыв глаза и потянувшись в постели, еще сонный, стремится самозабвенно радоваться миру. Барбара миновала лес, в котором терялась единственная светлая тропка. Вдоль этой части террасы тянулась балюстрада, напоминающая невысокий крепостной вал; через равные промежутки ее украшали цветы. Барбара перегнулась через нее, глядя, как посверкивает между деревьями море, а к причалу и стоящей возле него рыбацкой хижине тянется тропка, причудливо изгибаясь.

Она стояла, задумчиво и несколько сонно разглядывая все это, как вдруг увидела странную фигуру, бодро взбирающуюся по тропке. Должно быть, этот человек вышел из хижины; двигался он так быстро, что прошло лишь несколько мгновений, и его фигура промелькнула между деревьями и показалась на дорожке как раз под той балюстрадой, на которой стояла Барбара. И странным было не только то, как он появился здесь: этот человек и выглядел довольно странно. Он был вполне молод, а вот одежда его, похоже, была много старше его самого, не просто потрепанная, а старомодная, и хотя сама по себе она выглядела довольно стандартно, носил ее незнакомец необычным образом. На нем было надето нечто, изначально бывшее легким непромокаемым плащом, в котором выходят в море. Однако

незнакомец просто набросил его на себя, словно плащ из рыцарского романа, застегнув лишь на верхнюю пуговицу и не вдев костлявые руки в рукава. Он опирался на черную трость; из-под его широкополой шляпы выбивались темные волосы. На его лице, смуглом, но довольно красивом, улыбка, долженствовавшая быть немного смущенной, отчего-то выходила глумливой.

Барбара Вейн не могла понять, кто перед ней, безобидный бродяга или злоумышленник, а может, приятель какого-нибудь рыбака или дровосека. Продолжая гаденько улыбаться, незнакомец снял шляпу и вежливо произнес:

— Прошу прощения. Меня пригласил сквайр.

В этот момент он заметил дровосека Мартина, который поднимался по тропе, прореживая и без того редкий лесок, и сделал приветственный жест в его сторону.

Девушка не знала, что сказать.

— Вы... вы по поводу рубки леса? — наконец спросила она.

— Хотел бы я быть одним из этих честных малых, — ответил незнакомец. — Мы с Мартином вроде бы дальние родственники — знаете, мы, корнуольцы, все друг другу в той или иной степени родня. Но я не рублю лес. Я вообще ничего не рублю, кроме, пожалуй, правды-матки. Я, если можно так выразиться, трубадур.

— Кто? — переспросила Барбара.

— Может быть, лучше назваться менестрелем? — ответил таинственный пришелец и взглянул на нее более пристально.

На какое-то время воцарилась неловкая тишина; два человека рассматривали друг друга. Что видела она, мы уже рассказали, хоть ей так и не удалось понять, кто же перед ней. Он же видел прекрасную женщину с лицом классической статуи и волосами, которые в солнечных лучах казались сияющим медным шлемом.

— Известно ли вам, — произнес незнакомец, — что сотни лет назад на этом месте и впрямь мог стоять менестрель, а со стены на него могла взирать леди и бросать ему деньги?

— Вам нужны деньги? — в полном недоумении спросила она.

— Ну, — протянул незнакомец, — в том смысле, что мне их не хватает, пожалуй, что нужны. Но я боюсь, что сегодня здесь нет места для бродячего артиста, если только он не черный. Мне следует извиниться за то, что я не вымазал лицо сажей.

Она смущенно рассмеялась и сказала:

— Не думаю, что вы в этом нуждаетесь.

— Возможно, вам кажется, что уроженцы здешних мест и так достаточно черны лицом, — холодно заметил он. — Мы, в конце концов, аборигены, и обращаемся с нами соответственно.

В полном замешательстве она прибегла к последнему средству — разговору о погоде и прекрасном ландшафте, надеясь, что теперь беседа пойдет по более приемлемому сценарию.

— Вид отсюда и впрямь открывается прекрасный, — согласился он и добавил все тем же таинственным тоном: — Есть только одно, что меня смущает.

Он медленно поднял свою черную трость и, словно длинным черным пальцем, указал ею на деревья, высившиеся над лесом. И в этот миг девушкой овладела странная тревога, как будто бы этот человек своим простым жестом творил какое-то разрушительное колдовство и мог наслать на весь сад проклятие.

Звенящую, почти болезненную тишину нарушил голос сквайра Вейна, который говорил хоть издали, но довольно громко.

— А мы-то гадаем, куда ты ушла, Барбара, — сказал он. — Это мой друг, мистер Сайприен Пейнтер.

Тут он заметил незнакомца и остановился, несколько озадаченный. И только мистер Сайприен Пейнтер понимал, кто это и что здесь происходит. Несколько месяцев назад он видел в одном американском литературном журнале портрет нового корнуолльского поэта, так что, к его собственному удивлению, он оказался вынужден представлять присутствующих друг другу вместо того, чтобы быть представленным.

— Как же так, сквайр, — в полном недоумении произнес он, — неужели вы не знаете мистера Трегерна? Я был уверен, что вы знакомы, он ведь живет неподалеку от вас.

— Рад с вами познакомиться, мистер Трегерн, — ответил сквайр, стараясь быть любезным, однако из-за смущения чуть более громогласный, нежели того требовали приличия. — Я так рад, что вы смогли прийти. Мистер Пейнтер. Моя дочь.

Он отправился к столу, все еще стоящему под деревом. Сайприен Пейнтер пошел за ним, размышляя над странной особенностью, озадачившей даже его, человека опытного и немало путешествовавшего. Этот американец хоть по развитию ума своего и принадлежал к элите, в отношениях с людьми все еще оставался демократом, пусть и не осознавал этого. Ему никогда не приходило в голову, что это поэт должен гордиться знакомством со сквайром, а не сквайр — знакомством с поэтом. Откровенно покровительственный тон, сквозивший в голосе гостеприимного Вейна, заставил Пейнтера отчетливо ощутить себя здесь чужаком.

Сквайр же, предвкушая тяготы обеда с незнакомым литератором, вел себя, по собственному мнению, весьма тактично. Местное общество способно было поставить поэта в весьма неловкое положение, так что Вейн организовал почти что семейный обед, если не считать американского критика и здешних юриста и доктора, достойных представителей среднего класса, чье присутствие он счел желательным. Вейн был вдовцом, так что роль хозяйки выполняла

Барбара. Поэт сидел от нее по правую руку, отчего она испытывала неловкость. После того как она едва не подала этому мнимому трубадуру милостыню, ей было довольно не просто подавать ему обед.

— Все вокруг как с ума сошли, — заявил сквайр, когда речь зашла о новостях. — Из-за этой жуткой легенды, которая ходит о наших местах.

— Я собираю легенды, — улыбнулся Пейнтер, — но вы, должно быть, помните, что вашей в моей коллекции пока нет. А здесь, — добавил он, обводя взглядом романтический ландшафт, — чудесные места для драматического сюжета.

— Да уж, в каком-то смысле он драматический, — не без удовольствия признал Вейн. — А все из-за тех деревьев, которые мы зовем павлиньими. Полагаю, дело в странном цвете листы, хотя я слышал и такую версию: мол, на сильном ветру листья издают громкий шум, который при определенной фантазии можно принять за крик павлина. Наверное, у них какое-то особенное строение, как у бамбука, к примеру. Так вот, считается, что эти деревья мой предок, сэр Уолтер Вейн, привез из Берберии. Этот сэр Уолтер был одним из елизаветинских патриотов — или елизаветинских пиратов, если вам будет угодно. Рассказывают, что когда он возвращался из своего последнего морского путешествия, вся деревня собралась на берегу, и все видели лодку, приближающуюся к берегу, и в этой лодке, словно мачты с зелеными парусами, возвышались деревья, покрытые листвой, хотя стояла зима. Сначала людям на берегу показалось, что лодка идет странным курсом, затем — что она и вовсе дрейфует, и когда ее наконец прибило к берегу, оказалось, что все люди в ней мертвы, а сэр Уолтер Вейн с мечом наголо словно бы прикорнул у ствола одного из деревьев, да только сам был недвижим, будто дерево.

— Знаете, это довольно забавно, — задумчиво произнес Пейнтер. — Я говорил вам, что коллекционирую легенды,

и мне кажется, в моей коллекции есть начало той истории, финал которой вы мне только что рассказали, хотя действие в ней разворачивается в сотнях миль отсюда.

Он рассеянно постучал тонкими музыкальными пальцами по столу, словно пианист, пытающийся вспомнить мелодию. Пейнтер и впрямь увлекался такого рода сказаниями и, пересказывая их, порой не стеснялся расцветить историю своим талантом.

— Расскажите, пожалуйста! — воскликнула Барбара Вейн, с которой даже слетела ее кажущаяся сонливость.

Американец серьезно отвесил поклон, не поднимаясь из-за стола, и начал рассказывать, лениво поигрывая затейливым кольцом на среднем пальце.

— Если вам взбрдет в голову отправиться в Берберию, туда, где лес узкой полоской вклинивается между пустыней и огромным бесприливным морем, вы обнаружите там туземцев, которые и посейчас рассказывают странную историю о святом времен темного Средневековья. Там, на сумрачном побережье Черного Континента, так легко ощутить себя в темном Средневековье. Я бывал в тех местах лишь однажды, хотя они расположены, можно сказать, напротив того итальянского города, где я провел много лет. В это трудно поверить, но там, где ночной лес наполнен рычанием львов, а за его пределами путника ожидает раскаленное безмолвие темно-красных песков, — там этот миф кажется вовсе не таким несуразным и безумным, каким на самом деле является. Рассказывают, будто некий отшельник по имени святой Секирус, живший в тех местах, полюбил деревья, словно товарищей. Ведь эти гиганты, многорукие, будто Бриарей¹, были самыми добродушными и безобидными из всех существ, обитавших там. Они не пытались

¹ Бриарей — в древнегреческой мифологии прозвище сторукого великана Эгеона, сына Урана и Геи. (Примеч. ред.)

разорвать на части любое живое существо, подобно львам, а скорее открывали объятия даже самым маленьким пичугам. И святой вознес молитву о том, чтобы им было позволено время от времени сходить с места и гулять, как животным. И по слову святого Секируса деревья сошли с места, как сходили, чтобы послушать песни Орфея. Завидев их издали, гуляющих вместе со святым, люди пугались. Однако же деревьям разрешалось сходить с места, только если они беспрекословно исполняли несколько правил. Заслышав звук колокольчика святого Секируса, они должны были вернуться, и, что было важнее, гуляя, подобно зверям, они не должны были никого ловить и терзать, как это делали звери. И вот рассказывают, что однажды одно из деревьев услышало голос, который не был голосом святого отшельника. Был теплый летний вечер, и в угасающем свете, проникающем через листву, можно было рассмотреть притаившееся между ветвей существо, принявшее облик большой птицы, как когда-то, среди ветвей другого дерева, приняло оно облик змея. Голос говорил все громче и громче, заглушая шелест листвы, и вскоре дерево почувствовало невыносимое желание дотянуться до птиц, беспечно летавших меж его ветвей над своими гнездами, схватить их и разорвать на части. Наконец искуситель заполонил крону дерева своими собственными птицами, птицами гордыни — пышно разукрашенными павлинами. И дух ярости возобладал над миролюбивым духом дерева, и оно рвало на части и пожирало сине-зеленых птиц до тех пор, пока ни пера не осталось от них, а после вернулось к прочим деревьям, как прежде, тихим и безобидным. Но говорят, что весной, когда все прочие деревья покрылись листвой, это дерево покрылось странного цвета узорчатыми перьями. И из-за этого святой отшельник прознал о грехе и в наказание вновь укоренил дерево в земле, сказав, что проклятие падет на любого, кто снова сдвинет его с места. Так, сквайр, в далекой

пустыне началась та история, которая закончилась здесь, почти что в этом самом саду.

— И это окончание столь же заслуживает доверия, сколь и начало, скажу я вам, — заметил Вейн. — У вас получился милый бесхитростный рассказ, как раз для беседы за чаем: этакий натюрморт в словах.

— Какая неслыханная и ужасная история! — воскликнула Барбара. — Слушая ее, чувствуешь себя дикарем-каннибалом.

— *Ex Africa*¹, — с улыбкой произнес юрист. — История ведь и происходит из страны каннибалов. Полагаю, все такие истории щедро окрашены негритянской кровью, особой субстанцией, из-за которой чувствуешь себя, словно в кошмаре, и не можешь толком понять, кто же здесь главный герой: дерево, человек или сам дьявол. У вас разве не было подобного ощущения, когда вы читали «Сказки дядюшки Римуса»²?

— Да-да, — сказал Пейнтер, — все так и есть.

Теперь он взглянул на законника с новым интересом. Юрист, представленный как мистер Эйш, принадлежал к людям, более достойным внимания, чем кажется на первый взгляд. Если бы Наполеон был рыжеволос и — на удивление — удовлетворился бы тем, что втиснул бы свои амбиции в узкие рамки провинциальных тяжб, он мог бы выглядеть точно так же. Рыжая голова его выглядела слишком большой и значительной, а тело, скрытое под темной, неброской одеждой, по сравнению с ней казалось более щеделушным — в точности как у Наполеона. В обществе

¹ Речь о латинской фразе «*Ex Africa semper aliquid novi*», слегка искаженной цитате из Плиния Старшего, которая в переводе означает «Из Африки всегда исходит что-то новое».

² «Сказки дядюшки Римуса» — собирательное название написанных Джозелем Харрисом сказок, основанных на фольклоре чернокожих рабов юга США.

сквайра он, по всей видимости, чувствовал себя свободнее, чем доктор: тот, хоть и джентльмен, был довольно робкого десятка и пытался держаться в тени.

— Как вы совершенно справедливо заметили, — сказал Пейнтер, — моя история явно окрашена элементами дикарской культуры, возможно негритянской. Однако я полагаю, что в ее основе лежит некая агиологическая¹ притча об отшельнике, и хотя знающие критики возражали мне, что никакого святого Секируса никогда не существовало, он мнится мне аллегорией разведения лесов как такового, ведь его имя в переводе с латыни означает «топор».

— Ну, если так рассуждать, — вмешался поэт Трегерн, — можно договориться до того, что сквайра Вейна не существует, а он лишь аллегория флюгера².

Его шутка была встречена довольно прохладно. Наморщив лоб, Эйш взглянул на поэта поверх стола; тот ответил ему несколько двусмысленной ухмылкой.

— Следует ли мне так понимать, — спросил Эйш, — что вы готовы признать как юридический факт существование этого загадочного Секируса? Или, чего доброго, то, что деревья могут ходить?

— Я вижу проходящих людей, как деревья, — отвечал поэт, — как тот прозревший слепец из Евангелия³. Кстати,

¹ Агиологическая — имеющая отношение к агиологии, науке, изучающей святость и ее восприятие в разные эпохи. Преимущественно исследовались жития святых с целью понять, что именно воспринималось как святость в те времена и в тех местах, где эти жития писались. Агиология также изучает различные богословские сочинения, затрагивающие тему святости.

² От англ. *vane* — флюгер.

³ Имеется в виду история о слепце, которого Христос излечил наложением рук. Сначала Иисус спросил слепца, видит ли он что-то, и тот ответил: «Я вижу проходящих людей, как деревья» (Марк 8:24). Иисус решил, что слепец излечен не до конца, снова наложил на него руки, и после этого тот прозрел полностью.

как следует понимать, вы-то признаете юридическим фактом существование упомянутого... чудотворца?

Пейнтер вмешался в разговор — вежливо, но поспешно:

— Это звучит загадочно, словно речи психолога. Вы видите людей как деревья?

— А есть разница? Я не представляю, почему люди ходят, так почему я должен быть уверен, что деревья на это неспособны? — парировал поэт.

— Вообще говоря, такова природа их организмов, — подал наконец голос врач, доктор Бартон Браун. — Она заложена в их строении. Растения ведут прикрепленный образ жизни.

— Иными словами, дерево торчит в земле от Рождества до Рождества, — возразил Трегерн. — Точно так же вы безвылазно сидите в своем кабинете каждый день с десяти до одиннадцати. А теперь представьте, что в это время в ваше окно заглянула фея, только что соскочившая с Луны, чтобы поводить хоровод с Плеядами. Может ли так случиться, что она, увидев вас, решит, что вы ведете прикрепленный образ жизни и в природе вашего организма — сидеть на месте?

— Так вышло, что я не верю в фей, — сухо ответил доктор, крайне недовольный переходом на личности.

От смуглого поэта, казалось, расходились во все стороны горячие волны плохо осознаваемого гнева.

— Ну, доктор, иного я от вас и не ожидал, — в своей обычной громогласно-дружелюбной манере начал сквайр, но умолк, заметив, что его собеседника отвлекли.

Дворецкий, до того молча прислуживавший за столом, возник за стулом доктора и тихо, как и подобает вышколенному слуге, что-то сказал ему. Это был такой типичный дворецкий, что особенности его внешности не сразу бросались в глаза, а меж тем выглядел он, словно еще одна копия портрета (правда, слегка приукрашенная и облагороженная), с которого лепили почти всех корнуолльских кельтов округи.

Его лицо было желтоватым, практически землистого оттенка, а волосы — иссиня-черными. Отзывался он на имя Майлз. Вообще говоря, внешность аборигенов этих мест порой действовала угнетающе на стороннего наблюдателя, вызывая странное ощущение, будто эти смуглые лица на самом деле — маски некоего секретного общества.

Доктор со смущенным видом поднялся с места.

— Я вынужден извиниться, что вношу сумятицу в наш милый вечер, однако меня зовет долг. Пожалуйста, не расходитесь. Мы, врачи, всегда готовы к таким ситуациям. Возможно, теперь мистер Трегерн признает, что мой образ жизни все же не такой уж прикрепленный.

Выпустив эту парфянскую стрелу, встреченную смехом, он очень быстро зашагал по солнечной лужайке туда, откуда начиналась дорога в деревню.

— Он очень добр к беднякам, — с уважением сказала Барбара.

— Замечательный человек, — согласился сквайр. — А где Майлз? Мистер Трегерн, хотите сигару?

Он поднялся из-за стола, остальные последовали его примеру, и вся компания расположилась на лужайке.

— Примечательный человек этот Трегерн, — в своей обычной непринужденной манере обратился американец к юристу.

— Примечательный — это очень точное определение, — мрачно согласился Эйш. — Но боюсь, я не готов к прениям по его поводу.

Сквайр, уставший ждать желтолицего Майлза, сам сходил за сигарами; а Барбара, прогуливаясь по террасному саду, снова оказалась в компании поэта, только на сей раз — что было довольно символично — они стояли на одном уровне. Мистер Трегерн снял свой диковинный плащ и теперь выглядел менее эксцентрично, почти как обычный человек.

— Я не хотела быть с вами грубой, — выпалила она.

— И это хуже всего, — отвечал литератор, — потому что, увы мне, я-то как раз хотел быть грубым с вами. Когда я поднял глаза и увидел вас там, наверху, во мне что-то взыграло, как бывало во все ключевые моменты истории. О, восхищение я тоже испытывал, конечно! Полагаю, все иконоборцы сами были в некоторой степени идолопоклонниками.

У этого человека было удивительное умение превратить любой разговор в глубоко личный — мягким, как кошачья поступь, и таким же стремительным поворотом. Так же быстро он карабкался по круче немногим ранее. Из-за этого он казался Барбаре опасным и, возможно, лишенным принципов. Она резко сменила тему, выбрав такой предмет разговора, который был интересен и ей самой.

— Так все же, что вы имели в виду, упоминая о деревьях, которые могут ходить? — спросила она. — Только не говорите, что вы и правда верите в волшебное дерево, которое ест птиц!

— Я скорее удивлю вас, рассказав, во что не верю, чем во что верю, — серьезно сказал Трегерн. Помолчав, он обвел широким жестом дом и сад. — Я скорее вот в это все не верю. Например, елизаветинские дома, елизаветинские семьи постепенно богатеют, становятся больше, уважаемее и так далее. А взгляните на нашего друга дровосека. — Он указал на человека с затейливой черной бородой, который все еще рубил дрова ниже по тропе. — Его семья живет здесь издавна, и во времена, которые вы называете темными веками, она была богаче и свободнее, чем сейчас. Стоит дожидаться, пока историю Корнуолла напишет корнуольский крестьянин.

— Но позвольте, — настаивала Барбара, — какое отношение все это имеет к тому, верите ли вы в деревья, поедующие птиц?

— А почему я должен исповедоваться вам в том, во что я верю? — спросил он, и в голосе его слышались бунтарские

нотки. — Богачи пришли сюда, чтобы присвоить нашу землю, наш труд и наши обычаи. И теперь, используя все это и, что хуже, выучив нас на свой манер, вы хотите присвоить и наши грезы?

— Но ведь эта конкретная греза скорее похожа на кошмар, не так ли? — с улыбкой возразила Барбара, но тут же посерьезнела и с тревогой произнесла: — Глядите, доктор Браун возвращается. Боже, он выглядит таким расстроенным!

Доктор, чей темный силуэт выделялся на фоне зеленой лужайки, и впрямь энергичной походкой направлялся в их сторону. Лицо его, изборожденное морщинами, казалось старше, нежели его тело; его высокий лоб с залысинами словно выступал перед обрамлявшими его темными волосами. Доктор был заметно бледнее, чем когда вставал из-за стола.

— К моему огромному сожалению, мисс Вейн, — сказал он, — я несу бедняге Мартину, здешнему дровосеку, дурные вести. Его дочь умерла полчаса назад.

— Ох! — взволнованно воскликнула Барбара. — Мне так жаль!

— Мне тоже, — сказал доктор и быстро прошел дальше, сбежав по каменным ступеням, по сторонам которых стояли каменные же урны.

Барбара и Трегерн наблюдали, как он говорит с дровосеком. Лица последнего им не было видно, он стоял к ним спиной, но то, что он сделал, ясно показало им его чувства. Он вскинул руку, в которой держал топор, как будто хотел зарубить доктора, но на самом деле на своего горевестника он и не глядел. Взгляд его был прикован к утесу, где, возвышаясь над низким, похожим на толпу гномов леском, росли огромные деревья гордыни, позолоченные солнечными лучами.

Сильная загорелая рука дернулась — и стало ясно, что в ней ничего нет. Топор, вращаясь и со свистом рассекая

воздух, полетел вперед, и его лезвие казалось серебряным полумесяцем на фоне серого лесного полумрака. Своей цели топор не достиг, упал в подлеске, вспугнув стайку птиц. Но воображение поэта, полное первобытных образов, шепнуло ему, что он только что видел птиц из языческого предсказания и топор из языческого ритуала жертвоприношения.

Затем дровосек тяжело шагнул вперед, как будто хотел забрать свое орудие, но доктор взял его за руку.

— Не беспокойтесь об этом сейчас, — услышали они его грустный голос. — Уверяю вас, сквайр не будет против, если вы не доделаете свою работу.

Что-то побудило Барбару взглянуть на Трегерна. Он неотрывно глядел на происходящее, чуть склонив голову, и один из его эльфийских черных локонов упал ему на лоб. И снова ей почудилась странная тень над травой; на миг она почти поверила, что трава кишит феями и феи эти ей не друзья.

II. СКВАЙР ВЕЙН ЗАКЛЮЧАЕТ ПАРИ

Через месяц с небольшим в доме сквайра вновь обсуждали легенду о павлиньих деревьях. Произошло это вечером, когда эксцентричное пристрастие Вейна к трапезам под открытым небом собрало несколько человек за тем же круглым столом, только теперь он освещался лампой и горело багрянцем весеннее закатное небо. Даже компания за этим накрытым столом была та же, ведь за несколько последних недель эти люди, сами того не замечая, стали куда ближе, словно члены маленького клуба. Американец был, конечно, самым активным его адептом: стремление во что бы то ни стало раскрыть тайну поэта заставляло его снова и снова убеждать взбалмошного хозяина собрать всех вместе. И даже мистер Эйш, юрист, казалось, расстался со своими полшутливыми предрассудками; доктор же, хоть и был печален

и молчалив, человеком оказался приветливым и деликатным. Пейнтер с восторгом истинного поклонника читал вслух стихи Трегерна; он вообще много читал, хоть и не всегда вслух, собирая по округе все подряд, от путеводителей до эпитафий, если они могли пролить свет на дела древних времен. И именно тем вечером, когда свет лампы и последние лучи заходящего солнца бросали огненные отблески на вино и столовое серебро, он поведал об очередном открытии.

— Тут такое дело, сквайр, — сказал он, ввернув один из редких в своей речи американских оборотов, — эти ваши странные деревья... Не думаю, что до вас дошла хотя бы половина того, что о них говорят. Кажется, они вроде как пожирают все подряд. Не то чтобы я по этическим причинам возражал против поглощения пищи, — с этими словами он изящно отправил в рот ломтик молодого сыра, — но, честно говоря, я в некотором роде против людоедства.

— Людоедства?! — воскликнула Барбара Вейн.

— Я знаю, что человек, много путешествующий по свету, не должен быть привередлив, — продолжал мистер Пейнтер, — но я решительно повторяю: я против того, чтобы кто бы то ни было поедал людей. Похоже, то счастливое время, когда павлиньи деревья невинно ели павлинов, давно позади. Если расспросить местных... Рыбака, живущего на берегу, или человека, который подстригает вот эту самую лужайку, находящуюся перед нами... Они расскажут истории куда более невероятные, чем любая из тех, которые я могу привезти с берберийского побережья. Если вы спросите их, что случилось с рыбаком Питерсом, напившимся пьяным в канун Дня Всех Святых, то узнаете, что он заблудился в той рощице, свалился под зловещими деревьями и уснул, после чего испарился, исчез, растаял, как роса на солнце. Если вы спросите их, куда подевался Гарри Хук, маленький сын вдовы, вам ответят, что его проглотили;

что его подзуживали забраться на одно из деревьев и просидеть там всю ночь и он сделал это. Только Господу ведомо, что именно сотворили деревья, повадки растений-людоедов совершенно не изучены. Однако в одном сходятся все: каждый раз, когда кто-нибудь исчезает подобным образом, на одном из деревьев появляется новая ветка.

— Это еще что за бред? — вскричал Вейн. — Я знаю, что ходят небывицы о том, будто деревья распространяют лихорадку, хотя любому образованному человеку известно, что эпидемии просто случаются время от времени. И я знаю: говорят о том, что они шумят при сильном ветре, и должен признаться, это так и есть. Но даже Корнуолл — не сумасшедший дом, и дерево, лакомящееся проходящими мимо путниками...

— Но ведь обе истории вполне легко совмещаются, — негромко вставил поэт. — Если существует магия, убивающая людей, подошедших близко, логично предположить, что те, кто подходить не стал, заболеют. В старинных рыцарских романах дракон зачастую не только разрывает людей на части, но и поражает ядовитым дыханием.

Эйш посмотрел на него холодным, чтобы не сказать тяжелым взглядом.

— Я правильно понимаю, что вы проглотили и деревья, глотающие людей? — осведомился он.

У Трегерна уже была наготове его обычная неприятная улыбка, которая так злила Эйша и, кажется, именно потому в таких ситуациях не сходила с губ поэта.

— Проглатывание здесь употреблено в метафорическом смысле, — сказал он, — по крайней мере в отношении меня, если не в отношении деревьев. А метафоры мгновенно переносят нас в сказочную страну — неплохое место, к слову. Этот сад сейчас, на границе между днем и ночью, становится все больше похож на сказочный и может завести нас куда угодно.

Желтый рог молодого месяца как раз взошел на небе, освещая черные рога тех самых мнимых сказочных водорослей, которыми был испещрен берег, и, казалось, возвещал, что настала ночь, хотя на деле был только вечер. Ночной ветерок пролетел между деревьями и неслышно промчался над лужайкой, и во внезапно наступившей тишине все услышали не только волнующуюся траву, но и само море, которое билось о берег, шумело во всех расселинах и пещерах, и шум его, казалось, шел со всех сторон. Сидящие за столом ощущали этот нереальный вечер сходно: американец — как тонко понимающий искусство человек, поэт — как поэт. И даже сквайр, которому казалось, что он преисполнен раздражения по более чем рациональному поводу, не до конца понимал свои чувства. Ему даже больше, чем остальным, — и больше, чем он сам готов был признать, — морской ветер вскружил голову, как хорошее вино.

— Легковерие — забавная штука, — негромко продолжал Трегерн. — В ней больше дурного, нежели хорошего, а еще она безгранична. Сотни людей не ходят под лестницей, хотя и не знают, к чему это может привести. Они не думают, что Бог поразит их молнией, если они так сделают. Они не думают, что вообще может случиться дурного, и в этом все дело, но на всякий случай они отойдут в сторону, как отходят от края обрыва. Так и здешние бедняки: они могут верить или не верить во что угодно, но ночью к этим деревьям не подходят.

— Я всегда хожу под лестницей! — вскричал Вейн с пылом, явно превосходившим значимость темы разговора.

— Вы принадлежите к Клубу Тринадцати, — парировал поэт, — к тем самым людям, что нарочно проходят под лестницей в пятницу по пути к обеденному столу, за которым будет сидеть тринадцать человек, и каждый из них старательно просыплет соль. Но даже вы не подходите ночью к этим деревьям.

Сквайр Вейн вскочил, его седые волосы развевались на ветру.

— Я проведу ночь в вашем дурацком лесу, под вашими дурацкими деревьями, — заявил он. — Я сделаю это хоть за двупенсовик, хоть за две тысячи фунтов, если кто-нибудь подержит ставку.

И, не дожидаясь ответа, он схватил свою белую широкополую шляпу, гневно нахлобучил ее на голову и широким шагом двинулся прочь.

Тишину нарушил Майлз, точнее, звон разбившейся тарелки, которую он уронил. Дворецкий стоял и смотрел вслед уходящему хозяину, выставив вперед длинный острый подбородок. Лицо его в теплом свете лампы казалось более желтым, чем обычно. Густые тени делали его черты особенно резкими, но на миг Пейнтеру почудилось, что он увидел, как их исказило удивление, а затем — вспышка азарта. Но когда он повернулся, лицо его было спокойным, и Пейнтер понял, что это всего лишь настала пора чудес и недоразумений, как в пьесе «Сон в летнюю ночь», когда все перепуталось из-за ошибки Пака.

Лес со странными деревьями, куда держал путь сквайр, рос на самом мысе, так далеко, что почти нависал над морем, так что пройти к нему можно было лишь по узкой тропке, сверкающей в сумерках, словно серебряная лента. Лента эта вилась по утесу, где нестройный ряд изогнутых деревьев стоял караулом вдоль берега, и круто опускалась к рощице, где и растворялась, словно уходила в большие темные ворота или в пасть огромного льва. Что было с ней дальше, не удавалось разглядеть, но, вне всякого сомнения, она пролегла мимо огромных деревьев. Сквайр был уже в паре ярдов от темнеющего входа в рощу, когда его дочь поднялась из-за стола и сделала несколько шагов вперед, словно хотела остановить его.

Трегерн тоже стоял на ногах, потрясенный тем, к чему привел их праздный спор. Когда Барбара двинулась с места,

он пришел в себя, шагнул за ней следом и сказал ей что-то, что Пейнтер не расслышал. Говорил он ровным голосом, сдержанно и отстраненно, но она не только услышала его, но, после секундного размышления, кивнула и пошла назад, но не к столу, а к дому. Пейнтер отвлекся на этот инцидент, а когда снова посмотрел вслед сквайру, тот уже исчез в роще.

— Ну вот и все, — сказал Трегерн, и в его голосе прозвучала обреченность, как будто кто-то закрыл дверь.

— Вы так полагаете? — Эйш в гневе повысил голос. — А я полагаю, что сквайр вправе отправиться в свой собственный лес! Из-за чего вообще вся эта суматоха, мистер Пейнтер? Только не говорите, что верите, будто несколько кривых палок способны кому-то навредить!

— Да нет, не верю, — отозвался Пейнтер, закидывая ногу на ногу и зажигая сигару. — Но пока он не вернется, я останусь здесь.

— Очень хорошо, — резко сказал Эйш, — я тоже останусь, но лишь для того, чтобы досмотреть этот фарс до конца.

Доктор не сказал ничего, просто занял свое место и взял предложенную американцем сигару. Если бы Трегерн обратил на них хоть какое-то внимание, он бы наверняка с присущей ему язвительностью отметил любопытный факт: что все трое не сговариваясь решили просидеть здесь, если понадобится, до утра, однако удивительным образом никому из них не пришло в голову — странное помрачение! — что можно просто пойти в лес следом за сквайром, ведь лес этот был у них прямо перед носом. Однако Трегерн отошел довольно далеко от обеденного стола и теперь вышагивал вдоль выстроившихся на берегу деревьев. Они стояли примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, и море просвечивало сквозь них, словно ряд окон, так что в вечерних сумерках они напоминали полуразрушенный монастырь с длинной крытой галереей, а сам Трегерн, снова набросивший плащ

СОДЕРЖАНИЕ

1. БЕСТИАРИЙ ЧЕСТЕРТОНА	5
Древа гордыни (<i>Пер. М. Великановой</i>)	6
2. ОСОБЫЕ ИСКУССТВА	90
Искусство быть лучником (<i>Пер. Г. Панченко</i>)	91
Искусство быть констеблем (<i>Пер. Л. Мининой</i>)	98
Искусство быть герцогом (<i>Пер. Е. Литвиновой</i>)	103
Искусство носить маску (<i>Пер. М. Акимовой</i>)	108
3. НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЕЦ БРАУН	115
Бог из гонга (<i>Пер. В. Малаховой</i>)	117
Маска Мидаса (<i>Пер. В. Малаховой</i>)	140
Худшее преступление в мире (<i>Пер. М. Великановой</i>)	161
Дело Доннингтонов (<i>Пер. Г. Панченко, М. Маковецкой</i>) ...	183
4. ВСЕ ЖАНРЫ, КРОМЕ СКУЧНОГО	229
Мое преступление (<i>Пер. М. Акимовой</i>)	229
Величие мелочей (<i>Пер. Л. Мининой</i>)	234
Опасности колдовства (<i>Пер. М. Акимовой</i>)	238
Огненный ангел (<i>Пер. Л. Мининой</i>)	242
Телеграфные столбы (<i>Пер. С. Удалина</i>)	246
Спиритизм (<i>Пер. С. Удалина</i>)	250
Загадка поезда (<i>Пер. О. Образцовой</i>)	255

5. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЛ СЛИШКОМ МНОГО.....	261
Омут Езуса (<i>Пер. В. Малаховой</i>)	262
Мечь статуи (<i>Пер. В. Малаховой</i>).....	297
6. ПОЭТ И БЕЗУМЦЫ.....	324
Только для влюбленных (<i>Пер. Г. Панченко</i>)	324
Пурпурная драгоценность (<i>Пер. О. Эйк</i>)	326
7. ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО.....	354
Как я отыскал сверхчеловека (<i>Пер. М. Маковецкой</i>)	356
Шанс для Марии Стюарт (<i>Пер. Г. Панченко</i>)	360
Мафусаилит (<i>Пер. С. Удалина</i>).....	395
Гнев улицы (<i>Пер. Г. Панченко</i>)	398
О монстрах (<i>Пер. Г. Панченко</i>)	405

Літературно-художнє видання

ЧЕСТЕРТОН Гілберт Кіт

Мій злочин

(російською мовою)

Збірка

Укладач *Григорій Панченко*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 14.02.2019. Формат 84x108/32.

Друк офсетний.

Гарнітура «Literatimpa». Ум. друк. арк. 21,84.

Наклад 6500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ЧЕСТЕРТОН Гилберт Кит
Мое преступление

Сборник

Составитель *Григорий Панченко*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 14.02.2019. Формат 84x108/32.

Печать офсетная.

Гарнитура «Literatima». Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 6500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Гилберт Кит Честертон — англійський письменник, журналіст, яскравий представник класичного детективу. Чимало його творів досі невідомі читачам. У цьому збірнику — рідкісні, по-справжньому ексклюзивні оповідання та повісті. Нові пригоди отця Брауна, витонченого аристократа Горна Фішера і журналіста Марча, поета й художника Габрієла Гейла. Найзнаменитіші герої Честертон і їхні невідомі розслідування!

Честертон Г. К.

Ч-51 **Мое преступление** : сборник / Гилберт Кит Честертон ; сост. Г. Панченко ; пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-5809-9

Гилберт Кит Честертон — английский писатель, журналист, яркий представитель классического детектива. Многие из его произведений до сих пор неизвестны читателям. В этом сборнике собраны редкие, по-настоящему эксклюзивные рассказы и повести. Новые приключения отца Брауна, утонченного аристократа Хорна Фишера и журналиста Марча, поэта и художника Габриэла Гейла. Самые знаменитые герои Честертон и их неизвестные расследования!

УДК 821.111